

Война в Донбассе в восприятии врача-психиатра? Согласитесь, такое в писательской практике бывает не часто. Долгожданным событием в литературной и культурной жизни двух республик стал недавний выход в свет книги Ивана Донецкого «Мама, если не я, то кто». За шесть лет войны автор стал хорошо известен читателям своими глубоко правдивыми, хватающими за душу пьесами, рассказами и очерками, которые публиковались во многих сборниках и в альманахах «Время Донбасса», «Выбор Донбасса».

Во время двух поездок в Донецк мне посчастливилось познакомиться с автором книги, живущим в Петровском районе города, наиболее близком к линии соприкосновения, то бишь постоянно подверженном обстрелам. Не раз доводилось Ивану собирать осколки от снарядов во дворе своего дома. Однако, этот мужественный и талантливый человек не сбежал от войны, не покинул своих пациентов, а, напротив, спас от тяжелейших психических расстройств многие сотни ополченцев, побывавших в самом пекле боёв за Донбасс. По его словам, книга даёт представление о том, что называют «донецкий характер».

Сам автор определил её жанр как художественно-публицистический дневник, а в аннотации обозначил сложность работы над текстом: «Книга написана донецким врачом-психиатром как история болезни Украины. В этом её достоинство и недостаток. Достоинство – клиническая точность, документальность, объективность. Недостаток – включённость автора в события, эмоциональность, преодолеть которую, живя и работая под обстрелами, сложно».

Стремление писателя донести всю правду о событиях в Донбассе определило структуру книги. Представленные в ней рассказы, очерки, миниатюры, публицистические зарисовки расположены в строго хронологическом порядке, начиная от года 2014-го, начала военных действий, и заканчивая 2019-м годом, что в целом создаёт эпическую картину трагедии войны, до сих пор не оконченной. В уникальном дневнике указаны не только годы, но и месяцы, а порой и даты происшедших событий. Читатель найдёт здесь многообразие стилей и приёмов: горькую иронию и сарказм, философские размышления, лирические и ностальгические отступления, найдёт и жуткие эпизоды войны, внешне бесстрастно переданные глазами врача.

С пронзительной, трагической ноты начинается рассказ «Мама, если не я, то кто», давший заглавие книги: «Донецк сегодня малолюден. Лица дончан приобрели иконописную сосредоточенность: смерть у нас – ежедневная реальность». Похороны и поминки ополченца с позывным «Кортес» и трёх его товарищей художественно воссозданы повествователем чередованием настоящего и прошлого времён, репортаж с места событий чередуется с публицистическими раздумьями о сути происшедшего: «Война проявляет людей как фотоплёнку». Двадцать восемь лет земной жизни Кости-Кортеса переданы в воспоминаниях его матери, овдовевшей жены, друзей-ополченцев, школьной учительницы. Возникает светлый образ истинного русского человека, за всю свою короткую жизнь ничего не делавшего для себя, лишь стремящегося помочь другим, человека, которого врагам не дано было поставить на колени.

Антитеза между русским и оголтело русофобским миром становится одним из главных авторских приёмов, проходит через всю книгу. Узнав о гибели ополченцев, «в соцсетях сторонники Украины возликуют: «Сдохли, твари колорадские! Отмороженные ватники!» Кто-то из Владивостока или Рязани напишет: «Вечная память героям Донбасса!».

Поражает языковое мастерство писателя, безупречность его владения лаконичным стилем, умение найти точные сравнения и метафоры. Трагический август четырнадцатого года в Донецке сопоставлен с Гражданской и Великой Отечественной войнами не в пользу первого: «Современное оружие стёрло разницу между фронтом и тылом. Герои Булгакова

не прятались в подвалы... У героев Симонова был тыл, куда не долетали снаряды и авиация. В сегодняшнем Донцке тыла нет...Красный столб пыли от первого взрыва и тёмный от второго повисли в знойном воздухе. Ветра нет. Зрелище ирреально». Земному аду противопоставлены лучшие человеческие качества дончан, проявленные в годину страшных испытаний: «Мы переоценили ценности, научились помогать друг другу, узнали, что такое сплоченность и локоть соседа, сослуживца, друга, случайного прохожего». Примечателен этот образ коллективного «мы», образ вековой русской общности, взаимопомощи, взаимовыручки. Именно в эти тяжелейшие дни героическим пафосом исполнены авторские размышления, что «Украина о Донбасс сломает зубы. Оставшиеся – Донбасс выбьет!».

И впрямь, горькой и мрачной иронией над собственными судьбами стал для попавших в плен украинских вояк день двадцать четвёртого августа, когда оказались они «в логове терроризма и сепаратизма», и их под конвоем провели по главной улице Донцка, а сзади три поливальные машины смывали следы вражеской нечисти.

Гротеск и сарказм органичен на страницах книги, где речь идёт о чудовищной лжи украинских СМИ и рядовых обывателей. По их байкам, «террористы из одного района стреляют в другой, потом из другого – в третий. Параллельно обстреливают украинскую армию, которая стреляет в ответ». А сама Украина, рвущаяся в «Эвропу», стала стремительно погружаться в Средневековье: мусорная люстрация не только мужчин, но и женщин, факельные шествия нацистов, «херои», едущие убивать за деньги, «ярмарка каннибалов», на которой дети в Николаевской гимназии покупают и кушают сладости под названием «сине-жёлтые звёзды Кремля», «кровь российских младенцев». Под пером Ивана Донцкого рождается сборник клинических фактов. А из них, как мозаика, складывается психологический портрет потомственных предателей и карателей, наследников дивизии СС «Галичина». Издевательства над пленными, подростками, женщинами, разрушенные дома, школы, больницы, детские сады... Ненависть к карателям, закипающая в умах и сердцах дончан, выливается в прозвища, данных главарю убийц: «Потрошенко, Параша!».

Художественной находкой, ярким олицетворением передана в очерке «Огонь Донбасса» наболевшая проблема прошлого и настоящего региона, не покорившегося врагам: «Донбасс выбросил украинские флаги и поднял российские. Россия не признала его совершеннолетия, уступив Украине права опекуна. Шёл Донбасс домой, а оказался посреди Дикого поля – один-одинёшенек!».

Традиции и новаторство – отличительная черта прозы Ивана Донецкого. Один из шедевров книги – рассказ «Донецкий реквием» о любви чувственной, плотской и в то же время одухотворённой высоким чувством духовной близости, живо напоминает «Суламифь» А.Куприна, «Солнечный удар» И.Бунина и, конечно, «Даму с собачкой» А.Чехова, кстати, любимого писателя автора. Театр действий перемещается то в обстреливаемый укрофашистами Донецк, то в воспетую Чеховым Ялту, скорбь от утраты чередуется с поэтикой воспоминаний: «Берут напрокат лодку и плывут в открытое море, в Турцию, как шутит Она. Он на вёслах. Она на сиденье. Плечи её видны сквозь лёгкую ткань. Она любит его. Он, замечая её взгляд, гребёт сильнее, напрягая мышцы. Море спокойно. Солнечный луч, ломаясь, уходит вглубь прозрачной, голубой воды, стекая с ободранных вёсел». В повествовании любовь соседствует со смертью, ходящей за ней по пятам. Реквием, начатый с сообщения о гибели любимой и её дочери, посвящён погибшим женщинам и детям Донбасса. С «Реквиемом» перекликается финальный в книге пронзительный «Рассказ о любви», где вспыхнувшее чувство к заботливой молодой медсестре спасло повествователя от ожидаемой смерти, но не спасло героиню от обстрела. И это произошло в 2019-м, на шестом году войны!

Текст книги помогает понять незаурядную личность её автора – не только опытного врача-психиатра с сорокалетним стажем, но и интеллектуала, любящего с юности русскую и мировую литературу и искусство – Гоголя и Достоевского, Толстого и Чехова, Цветаеву и Набокова наряду с Прустом. Камю, Борхесом, Унамуно, Пиранделло, знакомого с философией Ницше и Ортего-и-Гассета, глубоко и правдиво осмысляющего все исторические и современные события.

Два мира, противоположных по целям и смыслам жизни, – это не только Украина и Донбасс, воюющий за своё пра-

во быть частью исторической России, но и миры самих жителей Донецка. В замечательном очерке «Два Донецка» автор призывает читателей совершить мысленную прогулку по городу, начиная от прифронтовой полосы до центра. Здесь под пером писателя возникает монументальный образ старухи с окраины города, всю жизнь проработавшей на шахте, вырастившей сына-шахтёра и внука, погибшего в Дебальцево. «Вы оглядываетесь на неподвижную старуху, которая полвека назад потеряла страх под землёй. Одряхлев от старости, она будет сидеть, опираясь на палку, и молча ненавидеть тех, кто убил его. Мины и снаряды могут отбить ей голову, руку, но она не дрогнет. Из Донецка её унесут только вперёд ногами. Вам кажется, что она вырезана из чёрного мрамора».

Иные краски, эпитеты и метафоры находит автор для тех хорошо одетых, «золотисто-когтистых» женщин из центра города, чей целью стал доходный бизнес. Финал очерка оптимистичен: «Вы возвращаетесь в прифронтовую полосу с твёрдой уверенностью, что Украине, даже с помощью Донбасса жлобско-гламурного, не победить Донбасс фронтовой и трудовой».

Сквозным в книге становится выстраданное размышление автора о том, что преступления украинских карателей против мирного населения Донбасса намного превзошли преступления гитлеровцев за годы Великой Отечественной войны. Об этом откровенный разговор коллег в очерке «День психиатра», страшный рассказ врача Петрова: «У меня на консультации больная была с мужем. Поехала в Селидово за пятнадцатилетним сыном. Кто-то из соседей стукнул, что она из ДНР. Нацики выбили дверь, мешок ей на голову и в подвал. Неделю насиловали, тушили о тело окурки, грозили убить, а потом вывезли за город и выбросили из машины».

В рассказе «Боулинг» психиатрическая помощь не помогла молодой матери с ребёнком, живущим под обстрелами. Впечатляющая по силе воздействия миниатюра «Сон психиатра», художественный вымысел о больных, захвативших отделение с врачами и сёстрами, – это ассоциация с Украиной, силою оружия навязывающей Донбассу свою бредовую реальность.

Читатель найдёт в книге и «Донецкие анекдоты», и остроумный сценарий «Олекса Порох» – проекцию на повесть

Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» в современных реалиях, и ёмко, лаконично воссозданную галерею донецких типов – от жуликов, спекулянтов, взяточников до подвижников и героев.

Светлый образ героя Донбасса Михаила Толстых – «Гиви» – стал олицетворением бесстрашия и мужества в лучших традициях русского воинства: ещё при жизни о его подвигах слагались легенды. Скорбная дата – год 2017-й, февраль, когда десятки тысяч жителей Донбасса пришли на траурный митинг, высвечивает весь масштаб личности Михаила, всю значимость героизма: «Мы – наследники Ленинграда и Сталинграда, а не сдавшегося немцам Парижа. В этом мы – не Европа и никогда ею не будем».

Примечательно, что книга Ивана Донецкого вышла в преддверии славной исторической даты – 75-летия со дня окончания Великой Отечественной войны. В очерке «Песня» потрясающе правдивы и актуальны рассказы бабушки писателя о зверствах бандеровцев и воспоминания о подвигах фронтовика-деда. Дед «за период боёв с 7 по 27 июля 1943 года, действуя отважно и решительно, вместе с расчётом уничтожил два взвода пехоты противника, подавил огонь 2-х батарей и был награждён медалью «ЗА ОТВАГУ».

Убедительной защитой духовно-нравственного наследия литературы и культуры Советской эпохи стал доклад Николая Иванова, председателя правления Союза писателей России, сделанный на Пленуме СП России 17 октября 2019 года и названный «Идеологический фронт Великой войны». В докладе прозвучало самое точное определение, что Вторая мировая война явилась не «битвой моторов», не «битвой боевой техники», а «битвой культур».

Это в полной мере относится к книге И. Донецкого «Мама, если не я, то кто», где бережно сохранена генетическая память народа-победителя и его многовековая культура. Талантливая и правдивая книга, дающая читателям полное, исчерпывающее представление о войне в Донбассе, ставшая её художественной диагностикой, безусловно, заслуживает литературной премии. В равной мере героический народ Донбасса, выстрадавший своё право стать неотъемлемой частью Русского мира, заслуживает скорейшего вхождения в родную гавань.